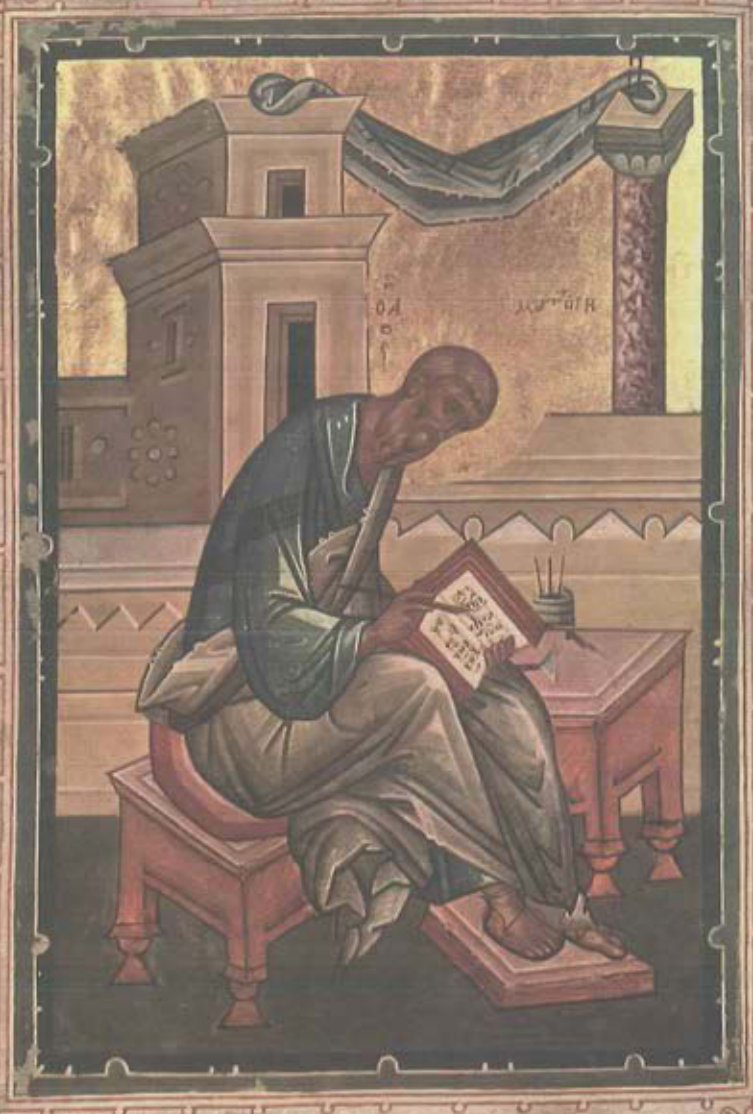
Л.В. Столярова, С.М. Каштанов

КНИГА В ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI–XVI вв.)



Университет Дмитрия Пожарского

Подготовлено к печати и издано
Русским Фондом Содействия Образованию и Науке, 2010 год,
по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Ответственный редактор серии:
д.и.н. **Е. А. Мельникова**
Ответственный редактор тома:
член-корреспондент РАН **С. М. Каштанов**
Рецензенты:
к.и.н. **Ю. А. Артамонов,** к.и.н. **Т. В. Гимон**

Столярова Л. В., Каштанов С. М.

С 81 Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.) / Л. В. Столярова, С. М. Каштанов . — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 448 с. : ил. — (В лаборатории источниковеда).

ISBN 978-5-91244-016-8

Настоящая монография посвящена изучению книжной и письменной культуры XI—XVI вв., а также разработке новых методов исследования сохранившихся памятников письменности Древней Руси. Исследование строится на принципиально новой методической базе, основу которой составляет комплексный подход к источникам разных видов и разновидностей, сочетание методов текстологического, палеографического, кодикологического и дипломатического анализа. В книге анализируются древнейшие источники по истории отечественной книжной и письменной культуры, вводятся новые данные по политической, социально-экономической и социокультурной истории Руси XI—XVI вв. На широком историческом фоне реконструируется деятельность книгописных центров Новгорода, Пскова, Ростова, Москвы и др., раскрывается ктиторская деятельность князей и церковных иерархов, изучаются взаимоотношения княжеской власти и церкви в Древней Руси, анализируются обстоятельства создания ряда пергаменных и бумажных кодексов, уточняется место их изготовления, идентифицируются почерки их писцов. Большое место отводится изучению общего и особенного в организации книжного дела в раннесредневековой Европе, Византии и на Руси, в специфике письма и хранения книг, в воспроизведении изветшавших оригиналов и пр.

Для историков, источниковедов, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, а также всех интересующихся отечественной историей.

© Столярова Л. В., текст. 2010
© Каштанов С. М., текст. 2010
© Григоренко М. В., оформление. 2010
ISBN 978-5-91244-016-8
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010

Содержание

От авторов 5
Введение 7

Глава 1. **Кодикология — наука о рукописных книгах** 25

Глава 2. **Книга в культуре Древней Руси (XI—XIV вв.)** 37

Глава 3. **Рукописи на пергамене (XI—XIV вв.)** 51
1. Изготовление пергамена 53
2. «Возьми шафран да щучью жолчь…»,
или чернила и краски в Древней Руси. 61
3. Техника письма книг в Древней Руси 66

Глава 4. **Распространение бумаги на Руси в XIV—XVI вв.** 91

Глава 5. **«Написах рукою моею грешною»: Писцы книг** 127

Глава 6. **«В память собе в манастырь в свой…»:
Заказчики книг** 157

Глава 7. **Центры изготовления книг в Древней Руси** 169
1. Скрипторий рубежа XI—XII вв. —
новгородский монастырь св. Лазаря 169
*Древнерусские источники о монастыре св. Лазаря
и существовании при нем книгописной мастерской* . . . 172
*Социальный и персональный состав писцов
скриптория новгородского Лазарева монастыря* 182
О так называемом Милятином евангелии 191

2. Скрипторий ростовского епископа Кирилла I 207
3. Псковские книгописные мастерские XIV в. 224

Глава 8. **Загадки происхождения древнерусских рукописей** 245
1. Пантелеймоново евангелие XII в. 245
2. Симоновское евангелие 268
3. Рязанская кормчая 1284 г. 282
4. Загадка Сийского евангелия. 309

Заключение 359

Приложение 1.
Пояснения некоторых специальных терминов 367
Приложение 2.
Перечень славяно-русских рукописных кодексов, имеющих специальные названия и упомянутых в данной книге. 383

Список принятых сокращений 392
Указатель личных имен 397
Указатель географических названий 419

| Глава 1 |

Кодикология — наука о рукописных книгах

Если ты не знаешь, что такое письмо, ты можешь подумать, что трудность не так велика. Но если хочешь получить подробные разъяснения, позволь сказать тебе, что этот труд тяжел: он портит зрение, сгибает спину, придавливает живот и бока, берет в клещи почки и заставляет болеть все тело…

Колофон XII в.

К середине XX в. задачи изучения рукописной книги уже не могли удовлетворяться методами палеографического анализа, направленного на исследование лишь внешней формы памятника письменности, созданного на мягком материале. Эти задачи в основном ограничивались изучением графики пергаменных и бумажных рукописей, а также водяных знаков последних. Тем не менее, с развитием интереса к памятникам письменности как продуктам истории и культуры все более очевидной становилась необходимость расширения методов иссследования книжности вообще и отдельно взятой рукописной книги в частности. Хотя принципы кодикологического исследования были заложены еще в труде Б. Монфокона «Библиотека библиотек» (1739 г.)[1], как специальная историческая дисциплина кодикология сформировалась только спустя два столетия. Термин «кодикология» (от лат. codex — книга) впервые был употреблен в 1949 г. А. Дэном для обозначения научной дисциплины, переросшей рамки палеографии. Объектом кодикологии «являются сами рукописи, а не письмо»[2]. 1949 г. считается временем рождения кодикологии, а Дэна в историографии часто называют ее «отцом». Возник-

[1] *Montfaucon B.* Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova; ubi quuae innumeris pene manusriptorum bibliothecis continentur... Parisiis, 1739. T. 1—2.

[2] *Dain A.* Les manuscrits. Paris, 1975. P. 76.



Рис. 1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

новение новой научной дисциплины стало результатом дифференциации и вместе с тем синтеза целого ряда историко-филологических дисциплин (источниковедения, палеографии, филиграноведения, текстологии, искусствоведения, архиво- и библиотековедения, археографии). В наше время кодикологические исследования представляют одно из приоритетных направлений медиевистики.

Наиболее разработаны теоретические и методические проблемы изучения средневековых латинских кодексов, написанных на пергамене (Э. Рэнд, Ф. Мазэ, Ж. Маллон, Л. Жилиссен, И. Главачек, К. Боццоло, Э. Орнато и др.)[3]. Интенсивно разрабатывается кодикология греческих

[3] *Masai F.* La paléographie greco-latine, ses tâches, ses méthodes // Scriptorium. 1956. Vol. 10. P. 281—302; *Rand E.* How many leaves at a time? // Palaeographia Latina. Oxford, Univ. Press, 1927. P. 52—78; *Mallon J.* Quel est le plus ancien exemple connu d'un manuscrit



Рис. 2. Писец с пером, помещенным за ухо, линует страницу (слева); переплетчик сшивает тетради в кодекс (справа). Германия, начало XII в.

рукописей (Г. Грегори, А. Дэн, С. Дер Нерсесян, Ж. Леруа, К. Вейцман, А. П. Каждан, В. Д. Лихачева, Б. Л. Фонкич, М. В. Бибиков и др.[4]). В 1997 г. увидела свет монография А. Джуровой, посвященная кодикологии славянских рукописей в связи с влиянием на них византийской книжной и письменной традиции[5].

Сделаны важные наблюдения, позволяющие реконструировать процесс создания корпуса книги, подготовки тетрадей к письму, а листов к разлиновке, рассмотрена деятельность монастырских и светских скрипториев и отдельных писцов, изучается техника средневекового письма (положение руки писца во время работы, использование им разнообразного инструментария и утвари, употребление специальных приспособлений для письма и пр.). Разработана методика кодикологического анализа рукописных книг, активно применяемая отечест-

latin en forme de codex? // Emerita. 1949. T. 17. P. 1—8; *Gilissen L.* Prolégomènes à la codicologie. Gand, 1977; *Hlaváček I.* Úvod do latinské Kodikologie. Praha, 1978; *Bozzolo C., Ornato E.* Pour une histoire du livre manuscrit au Moyen Âge: Trois essais de codicologie quantitative. Paris, 1980.

[4] См., например: *Gregory G.* Les cahiers des manuscrits grecs // Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes Rendus des séances de l'année 1885. Paris, 1886. T. 13. P. 261—268; *Weitzmann K.* Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935; *Dain A.* Op. cit.; *Der Nersessian S.* Études byzantines et arméniennes. Louvain, 1973; *Leroy J.* Quelques systèmes de reglure des manuscrits grecs // Studia codicologica. Berlin, 1977. P. 291—312; *Лихачева В. Д.* Искусство книги: Константинополь. XI в. М., 1967; *Каждан А.*[*П.*] Книга и писатель в Византии. М., 1973; *Бибиков М. В.* Византийский прототип древнейшей славянской книги. М., 1997; *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи европейских собраний: Палеографические и кодикологические исследования 1988—1998 гг. М., 1999.

[5] *Джурова А.* Въведение в славянската кодикология: Византийският кодекс и рецепцията му сред славяните. София, 1997. К этой монографии приложен подробный список исследований по латинской, греческой и славянской кодикологии и палеографии; см. С. 204—228.

венными медиевистами (И. Н. Лебедева, В. Л. Романова, Л. И. Киселева, В. И. Мажуга и др.[6]).

Скудость и отрывочность сведений по истории книгописания в средневековой Руси обусловили недостаточную изученность этой проблематики в отечественной науке. Обобщающих трудов по русской кодикологии пока не существует. В дореволюционной русской историографии понятия «кодикология» не было (как и на Западе в то время), однако отдельные приемы кодикологического исследования вырабатывались при изучении литературных памятников (труды А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, Н. М. Каринского, Е. Ф. Карского, В. Н. Щепкина)[7]. Применение кодикологических методов исследования к сборникам, содержащим литературные памятники, существенно расширилось в советской науке (М. Н. Сперанский, М. В. Щепкина, Л. П. Жуковская, О. А. Князевская, Н. В. Синицына, Б. М. Клосс, Е. М. Шварц, Э. С. Смирнова и др.)[8]. Кодикологическая методика стала применяться и к изучению рукописных сборников юридического и делопроизводственного характера (Н. П. Лихачев, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, В. Д. Назаров и др.), особенно копийных книг (Л. В. Черепнин, С. М. Каштанов, Л. И. Ивина, Б. М. Клосс)

---

[6] См., например: *Лебедева И. Н.* Кодикология — наука о рукописях // ВИД. Л., 1972. Т. 4. С. 66—77; *Романова В. Л.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. М., 1975; *Киселева Л. И.* Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV—XV вв.: Кодикологический и книговедческий аспекты. Л., 1985; *Мажуга В. И.* Изображение писца в искусстве раннего средневековья (конец VIII—XI в.) // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 265—286; Он же. О технике средневекового латинского письма (конец VIII—XI в.) // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 297—312 и др.

[7] *Востоков А. Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842; *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825; *Каринский Н. М.* Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925; *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; *Щепкин В. Н.* Саввина книга. СПб., 1903; *Он же.* Болонская псалтырь. СПб., 1906.

[8] См., например: *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960; *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV в. Исследование псалтири Томича. М., 1963; *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976; *Князевская О. А.* Описание Норовской псалтири // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. С. 131—142; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980; *Шварц Е. М.* Новгородские рукописи XV в.: Кодикологическое исследование Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989; *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV в.: Центры художественной культуры Древней Руси. М., 1994.

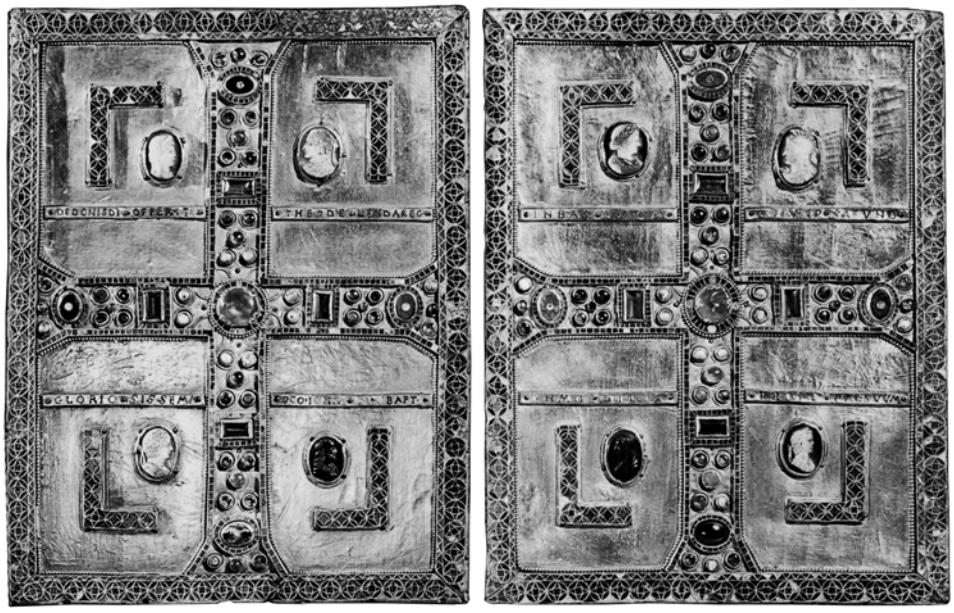


Рис. 3. Оклад Евангелия королевы Теоделинды, ок. 600 г. (Монца, сокровищница собора)

и митрополичьего формулярника (Г. В. Семенченко, А. И. Плигузов). Во всех этих трудах главные аспекты кодикологического исследования ограничиваются анализом почерков и бумаги. Проблема скрипториев, давно и плодотворно разрабатываемая в западной историографии, в нашей науке лишь намечается. Вопрос о существовании скрипториев в Древней Руси был поднят в последнее время в некоторых работах Л. П. Жуковской, В. Л. Янина, В. В. Калугина, А. Г. Боброва, Л. В. Столяровой[9]. Дальнейшее решение этого вопроса является одной из насущных задач современной славяно-русской кодикологии.

Несмотря на то, что кодикология как специальная историческая дисциплина вот уже полвека господствует в комплексном изучении

[9] См., например: *Жуковская Л. П.* Апракос Мстислава Великого // Мстиславово евангелие XII в.: Исследования. М., 1997. С. 670—709; *Янин В. Л.* Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазарев монастырь // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 57—67; *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98; *Калугин В. В.* Андрей Микулинский и Козьма Попович — псковские писцы XIV в. // Книжные центры Древней Руси. С. 41—61; *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI—XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 136—233.

пергаменных и бумажных рукописей, существующие в литературе определения ее предмета и задач остаются дискуссионными. Объект же кодикологии как будто споров не вызывает: рукописные книги (цельные кодексы) и их фрагменты (отрывки) вне зависимости от времени их создания, материала, на котором они сделаны, и средств для письма[10].

В работах 1950-х годов Ф. Мазэ сформулировал задачи кодикологии: 1) реконструкция процесса изготовления блока книги; 2) реконструкция процесса переписывания текста; 3) восстановление истории бытования кодекса[11]. В своем докладе на XI конгрессе византинистов в Мюнхене (1958 г.) А. Дэн уточнил предмет кодикологического исследования, который, по его мнению, составляют реконструированная история изготовления рукописей, создание каталогов (в том числе тематических), а также история использования рукописей (их хранение, бытование, а также торговля ими)[12].

Понимание кодикологии как научной дисциплины, занимающейся реконструкцией процесса создания средневековой рукописи и историей ее бытования (на основе комплексного изучения переплета, записей, книгохранительных помет и шифров, сигнатуры и пагинации), свойственно большинству отечественных исследователей (А. Д. Люблинская, И. Н. Лебедева, Л. И. Киселева). Л. В. Черепнин считал, что кодикология изучает рукописные книги «как памятники литературы, материальной культуры, искусства» в связи с установлением социального и профессионального состава их писцов; общественный резонанс, вызванный появлением памятника письменности; ареал и степень распространения книги и др. Очевидно, задачу кодикологии

---

[10] В отличие от инкунабуловедения, объектом которого являются инкунабулы — древнейшие печатные книги, изданные в Европе с момента изобретения в середине XV в. печатного станка до 1 января 1501 г., и книговедения, объектом которого остаются книги, изданные типографским способом после 1 января 1501 г. (см., например: *Люблинский В. С.* Ранняя книга как ступень в развитии информации // Пятьсот лет после Гутенберга. М., 1968. С. 144—238; *Он же.* Книга в истории человеческого общества. М., 1972. С. 82—183). Впрочем, В. В. Фарсобин, не различая понятий «кодекс» и «печатная книга» писал, что «на Западе книговедение получило название кодикологии», объект которой «еще не сформировался» (*Фарсобин В. В.* Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983. С. 78).

[11] *Masai F.* Paléographie et codicologie // Scriptorium. 1950. Vol. 4. P. 279—293; *Idem.* La paléographie greco-latine, ses tâches, ses méthodes // Scriptorium. 1956. Vol. 10. P. 281—302.

[12] *Dain A.* Rapport sur la codicologie byzantine // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. München, 1958. T. 6. S. 12.

он видел в создании комплексной истории рукописной книги[13].

Следует согласиться с Л. И. Киселевой, относящей к предмету кодикологии не только рукописную книгу как таковую, но и комплексы рукописных книг, изучение внешней и внутренней формы которых служит основой для установления особенностей книгопроизводства в рамках отдельного скриптория или писцовой школы[14].



Рис. 4. Шар для обогрева рук писца, XV в., Италия

Ф. Мазэ называл кодикологию «археологией книги». Действительно, подобно археологу, снимающему слой за слоем в поисках более древнего исторического напластования, кодиколог, исследуя следы «жизни» книги в ее почерках, пометах, надписях, ярлычках и шифрах, стремится реконструировать историю ее создания. Под кодикологией мы понимаем специальную историческую дисциплину, занимающуюся выяснением происхождения рукописного сборника на основе изучения его общих внешних (место хранения, количество листов, формат, препелет, сохранность, водяные знаки, разлиновка и т. п.) и внутренних признаков (состав, заголовки, нумерация тетрадей, нумерация листов, записи, пометы и т. п.). Проблему происхождения кодекса можно рассматривать широко (в историко-культурном смысле) и узко (в каком скриптории, каким писцом (писцами), когда, по чьему заказу, на чьи средства, для какой духовной корпорации была переписана рукопись; каким образом формировался ее книжный блок, как складывались, скреплялись и разлиновывались ее листы, изготавливался ее переплет и пр.). Установление обстоятельств происхождения кодекса невозможно без исследования истории его бытования и архивной (библиотечной) судьбы, отразившихся в его внешней и внутренней форме.

[13] *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 61.

[14] *Киселева Л. И.* Западноевропейская рукописная и печатная книга. С. 12.

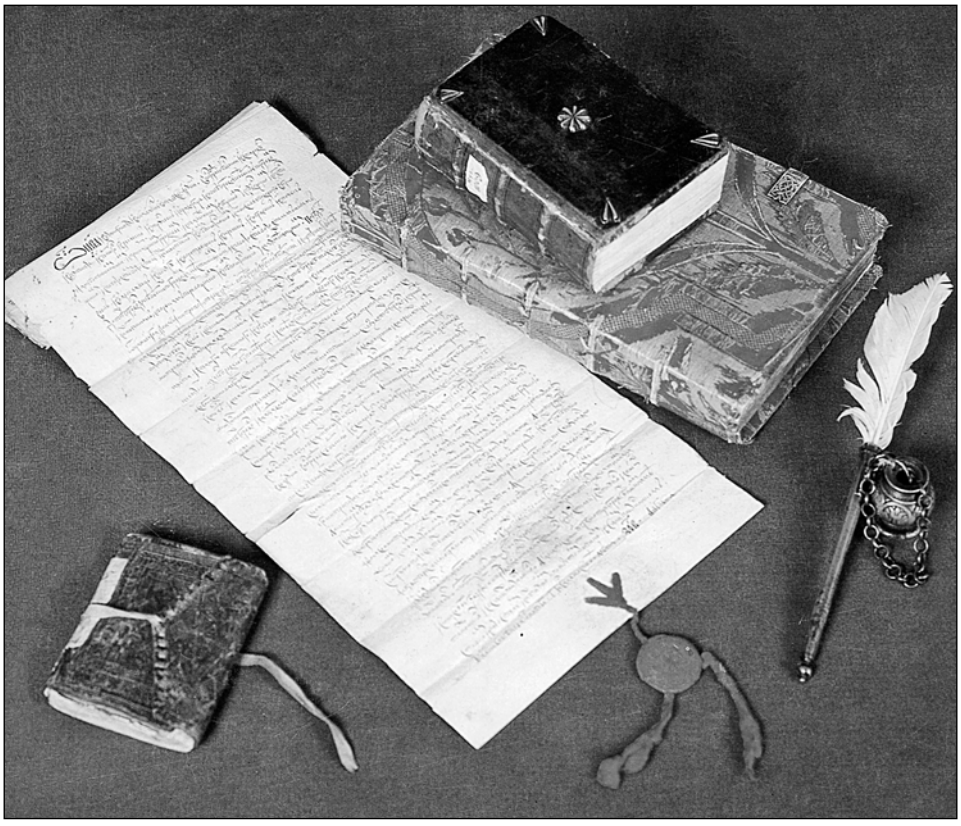


Рис. 5. Древнерусские рукописные книги и грамота с привешенной к ней печатью

По специфике методических приемов, применяемых к рукописным сборникам, текст которых написан на разных материалах, следует различать кодикологию пергаменных рукописей, кодикологию рукописей на бумаге и кодикологию рукописей, в которых пергамен и бумага употреблены вперемежку. В кодикологии пергаменных и бумажных рукописей особое внимане уделяется исследованию внешней и внутренней формы кодексов, имеющих точную дату. Изучается происхождение отдельных кодексов и их групп, выявляется существование древнерусских скрипториев, производится идентификация отрывков рукописных книг и атрибуция анонимных кодексов. Устанавливаются характерные признаки кодексов, произведенных в определенных книгописных центрах (по особенностям разлиновки листов и приемам нанесения ограничительных линий, по принципам складывания листов в тетради, методам разрезания листов, по качеству и способам выдел-

ки пергамена, формату и записям вне основного текста). На основании проверки стиля летосчисления в основном тексте и записях уточняются даты кодексов. Исследуется зависимость структуры кодексов от их жанра (вида) и содержания.

В изучении проблем происхождения, формы и состава бумажных кодексов различных видов большое внимание уделяется материалу для письма — бумаге и способам уточнения ее датировки по филиграням. Разрабатываются приемы анализа всего комплекса водяных знаков листа — не только филиграни как таковой (изображения), но и линий, оставленных сеткой черпальной формы (вержеры и понтюзо). Расстояния между понтюзо рассматриваются как важный датирующий признак. Параллельно изучается происхождение бумаги в связи с политической историей Европы (время и цель употребления определенных эмблем в качестве филиграней). Исследуются почерки рукописных сборников и устанавливается их связь с почерками подлинников и списков грамот. Изучение водяных знаков и почерков позволяет установить кодикологический состав рукописных кодексов, распределение всего текста по тетрадям. Этому помогает исследование нумерации тетрадей (во многих рукописях она сохранилась не полностью, а лишь фрагментарно). Важным направлением в кодикологии бумажных рукописей представляется уточнение методики анализа сборников разных форматов, поскольку от формата зависело то или иное положение водяного знака или его части на листах рукописи.

Специфическую (количественно небольшую) группу составляют рукописи русского извода, в которых бумага и пергамен употреблены вперемежку (так называемые «рукописи в прокладку»). Это главным образом кодексы XIV в., представляющие в истории рукописной книги переходный тип от пергаменного к бумажному кодексу. Весьма своеобразный состав тетрадей этих книг требует применения двойной методики кодикологического анализа, т. е. как изучения разлиновки листов, так и исследования филиграней и т. п.

Кодикология выросла из палеографии, однако имеет цели, принципиально отличные от нее. Так, в решении проблем происхождения рукописи (например, при идентификации почерков писцов) палеографический анализ предусматривает исследование графики основного текста, включая декор. Установление границ индивидуальных почерков писцов в кодикологическом исследовании помимо традиционных палеографических методов может опираться на наблюдения над записями писцов, особенностями разлиновки, структуры текста и т. д. Предметом



Рис. 6. Греческое евангелие XI—XII вв.

кодикологии является история скрипториев и книгописных школ, что объясняется необходимостью изучения внешней и внутренней формы кодексов, важных для установления места и времени их изготовления, а также их писца, заказчика и владельца. Установление переписчика в кодикологии как и в палеографии далеко не всегда предполагает определение его имени. Оно учитывает, прежде всего, возможность разграничения разных почерков в рамках одной рукописи и установления общих почерков в разных кодексах.

Кодикологический анализ позволяет определить процедуру создания книги, этапы формирования книжного блока от момента заказа до передачи готовой рукописи ее заказчику или непосредственному владельцу[15]. Методы кодикологии позволяют установить кем, когда и с какой целью был заказан кодекс, как происходил процесс складывания листов, их разлиновки, предварительного скрепления, как определялся порядок расположения текста на листе и пр. Иными словами, кодикология ставит более широкие, не свойственные палеографии задачи и привлекает к исследованию не только внешнюю форму, но и внутреннюю форму и содержание как самого кодекса, так и сделанных в нем записей, помет, изображений (графических рисунков писцов, читателей и владельцев, а также миниатюр).

Однако по объекту исследования палеография шире кодикологии. Палеография исследует внешние признаки памятника письменности на мягком материале вне зависимости от их видовой принадлежности. Методика палеографического анализа осуществляется в отношении внешних признаков рукописей разных видов: книг, актов, берестяных грамот, памятников делопроизводства, эпистол и пр., тогда как кодикология занимается исследованием только рукописных книг.

[15] О необходимости разграничения понятий «заказчик» и «владелец» кодекса подробнее см.: *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи. С. 79—81, 88, 96—100, 110, 115—121.



Рис. 7. Онежская псалтирь 1395 г. (разворот)

Текстологические приемы в кодикологии осуществляются как в отношении основного текста рукописей, так и в отношении сделанных в них надписей. Установление истории текста рукописи необходимо для реконструкции истории происхождения того или иного сборника, выяснения генеалогической связи между кодексами, сходными по составу, определения характера миграции книг и т. д.

Применение методов дипломатики в кодикологии не ограничивается задачами формулярного анализа некоторых разновидностей надписей на книгах, имеющих устойчивый шаблон[16]. Особый раздел кодикологии — дипломатическую кодикологию — составляют исследования рукописных сборников копий актов. Главная цель кодикологии копийных книг состоит в выяснении происхождения сборника актов, его социальной и политической направленности на основе систематического изучения его внешних и внутренних признаков[17].

[16] Там же. С. 74—135.

[17] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 218—340, особенно С. 218—219; *Он же*. По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря) // Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505—1537. М., 2007. С. 55—238 .

Кодикология связана с эпиграфикой, поскольку исследует надписи на переплетных досках, ремнях и застежках, т. е. изучает форму и содержание текстовых элементов книги, вырезанных, процарапанных, выгравированных или оттиснутых на твердом материале.

Определение обстоятельств происхождения того или иного кодекса или группы кодексов часто базируется на сведениях, содержащихся в надписях, прежде всего синхронных основному тексту и принадлежащих лицам, участвовавшим в книгопроизводстве (писцам, переплетчикам, художникам[18], счетчикам, книгохранителям и др.). Интерпретация этих текстов требует постоянного обращения к исторической хронологии, метрологии, ономастике, исторической топографии, генеалогии, лингвистике, общей истории. Установление архивной судьбы кодекса или группы кодексов невозможно без знания истории архивного и музейного дела.

Как по комплексности задач, так и по методике исследования, кодикологию следовало бы сравнить с источниковедением книги. Своеобразие рукописной книги как предмета кодикологии требует применения к ней специальных исследовательских приемов. Кодикология и источниковедение различаются прежде всего по объекту исследования, поскольку кодикология занимается лишь рукописными книгами, а не всеми видами исторических источников вообще. Кроме того, в отличие от общего источниковедения, кодикология не занимается изучением внутреннего содержания *основного* текста кодексов, степени достоверности и полноты информации этого текста, его происхождения и источников. Она изучает содержание только тех записей, которые говорят о происхождении и судьбе самого кодекса как такового.

В целом под кодикологией следует понимать специальную историческую дисциплину, занимающуюся установлением происхождения рукописной книги, определением истории ее бытования (сделки, объектом которых она была, миграция, характер использования и т. д.), а также последующей ее архивной (библиотечной) судьбы. Особенностью методики кодикологического анализа является ее комплексность. В зависимости от цели исследования, кодикология пользуется методическими приемами, свойственными палеографии, филиграноведению, дипломатике, текстологии, эпиграфике, архивоведению, библиотековедению и другим специальным историческим дисциплинам.

---

[18] См.: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 1999.

| Глава 2 |

Книга в культуре Древней Руси (*XI–XIV вв.*)

Тот кто пишет, — молчит.
П. Киньяр

Мощный подъем культуры, связанный с христианизацией Руси, вызвал к жизни широкое распространение письменности и книжного дела, развития которых требовали нужды православного богослужения. Сенсационная находка в Новгороде навощенного триптиха с древнерусским текстом Псалтири (заключительные псалмы 10-й кафизмы — 75-го и 76-го псалмов), внесла существенные коррективы в историю книги Древней Руси. Триптих датировался началом 990-х — концом 1010-х годов[1] (т. е. более ранним временем, чем пергаменное Остромирово евангелие), и, на первый взгляд, не содержал данных о его изготовлении. Однако обнаруженные на бортиках и под воском дощечек плохо читаемые записи и отпечатки текста на донцах церы позволили датировать Новгородскую псалтирь временем ок. 6507 (999) г. (т. е. первым десятилетием после крещения Руси). Среди «скрытых» текстов триптиха имеется запись с датой: «В лето 6507 азъ, мнихъ Исаакии, поставленъ бысть попомъ въ Соуждали въ црькъве святаго Александра Арменина». По мнению А. А. Зализняка, судить о том, тождествен ли суздальский поп писцу Новгородской псалтири, пока вряд ли возможно. Однако упоминание в записи Суздаля напрямую связывает изготовление кодекса с событиями, происходившими на Руси, «и исключает версию, по которой кодекс был списан в Болгарии находившимся там восточно-

[1] *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородская псалтирь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000) // Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 153—164.



Рис. 1. Новгородская псалтирь начала 990-х — конца 1010-х годов в момент находки

славянским книжником и просто привезен на Русь»[2].

Первое упоминание о книгописании на Руси относится ко второй четверти XI в. Под 6545 (1037) г. ПВЛ сообщает об организации Ярославом Мудрым при киевском Софийском соборе работ по переводу богослужебных книг с греческого на славянский язык и их переписке: «...собра письце многы и прекладаше от грекъ на словеньское письмо, и списаша книгы многы»[3]. Как реализовывались нужды древнерусских церковных книгохранилищ с момента принятия христианства и до 1037 г., в целом неясно. Не исключено, что в упомянутый период для богослужения наряду с рукописями, изготовленными на Руси, использовались привозные югославянские кодексы. Вероятно, под 1037 г. летописец зафиксировал первый опыт организации массовых книгописных работ на территории Древней Руси[4]. Кто были «писцы», собранные Ярославом Мудрым, неизвестно. Е. Ф. Карский допускал, что ими могли быть «...югославяне, но могли быть и русские»[5]. Ни одна из рукописных книг, датированных 1037 г., не сохранилась. Самый ранний из точно датированных пергаменных кодексов — Остромирово евангелие — был переписан дьяконом Григорием в 1056—1057 гг. для новгородского посадника Остромира-Иосифа.

[2] *Зализняк А. А.* Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 году // Вестник РГНФ. 2004. № 3. С. 176—178.

[3] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 152; см. также: Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 302.

[4] *Бибиков М. В.* «И прекладаша отъ грекъ на словеньскыи языкъ» // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 181—186.

[5] *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 260.

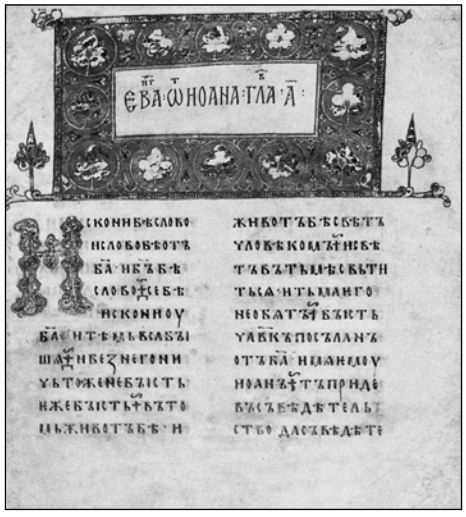


Рис. 2. Остромирово евангелие 1056—1057 гг.

Основную массу книжной продукции, бытовавшей на Руси в XI—XII вв., составляют написанные на пергамене кодексы литургического характера (главным образом Евангелия). От X—XI в. дошли и некоторые документы эпистолярного вида (берестяные грамоты) и надписи-граффити. Возможно, в XI в. началось и русское летописание. По более поздним источникам А. А. Шахматов реконструировал текст Начального свода 1095 г. и высказал предположение о существовании Киевского свода 1039 г. и Новгородского свода 1050 г. Но даже от XII в. не дошло рукописей летописных памятников. Древнейший пергаменный список Новгородской I летописи датируют концом XIII—XIV в.

Из законодательных источников к XI в. можно гипотетически отнести Русскую Правду. Ее наиболее ранний пергаменный список относится к концу XIII в. А. А. Зимин считал, что так называемая Правда Ярослава возникла в Новгороде в 1016 г. Может быть, какие-то первоначальные тексты церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого были созданы при жизни этих князей, однако до нас дошли более поздние списки церковных уставов, вероятно, отражающие и более поздние их редакции (самый ранний список Устава Владимира — конца XIII в., Устава Ярослава — XV в.).

От XI в. не сохранилось ни одной древнерусской пергаменной грамоты. Первой подлинной русской грамотой на пергамене считается грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, относимая в литературе к 1130 г.[6] Правда, В. Л. Янин высказал некоторые сомнения в ее подлинности, предположив, что она могла быть более поздней копией: сохранившаяся при ней (но отдельно от грамоты) печать принадлежит не князю Мстиславу Владимировичу, а одному из князей XIII в. Таким образом, само состояние

[6] См.: *Каштанов С. М.* Жалованные акты на Руси XII — XIV вв. // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 21—45.

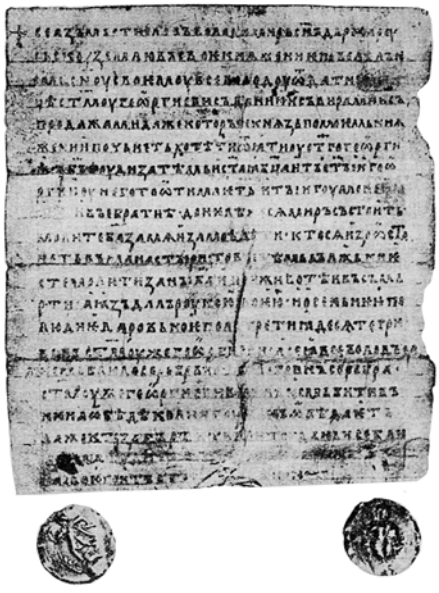


Рис. 3. Грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю

источниковой базы делает вопрос о том, какие организационные формы принимало древнерусское книгописание и письмо грамот в древнейший период русской истории, весьма туманным.

Важнейшим источником по истории книги средневековой Руси являются сами кодексы. Материальная сторона производства книг в Древней Руси отчасти реконструируется в результате исследования принципов формирования и складывания пергаменного листа, характера разлиновки и нанесения ограничительных линий, способов изъятия дефектных листов из тетрадей, почерков писцов и особенностей расположения текста на листе сохранившихся рукописей. Особое значение в изучении организации производства книг на Руси приобретает анализ записей писцов, синхронных основному тексту кодексов, а также памятников иконографии (в первую очередь, миниатюр с изображением пишущих «авторов» — библейского царя Давида и евангелистов).

В развитии древнерусской книги до появления книгопечатания можно выделить два периода: церковный (X — конец XIV в.) и церковно-монастырский (начало XV — вторая половина XVI в.). Первый период характеризуется абсолютным преобладанием пергаменных кодексов и сосредоточением книгописания в соборах, ктиторских монастырях и церквах. Этот период вплоть до конца XIV в. (а именно до утверждения на Руси общежительного монастырского устава) связан с развитием книжного дела в городских монастырях и церквах. Здесь возникли как крупные центры письма (скриптории), так и довольно мелкие, где не было скрипториев, а работали лишь один-два писца. Второй период характеризуется переменами как в использовании материала для письма (распространение бумаги), так и в организации книгописания (появление с первой половины XV, а особенно в начале XVI в. скрипториев в крупных пригородных монас-

тырях-землевладельцах). Обмирщение русской культуры в XVI в. сказалось на особенностях книгописания, но не изменило его основ: духовные корпорации по-прежнему оставались центрами производства и хранения книг. «Светские» скриптории конца XVI—XVII в. (Посольского приказа, Оружейной палаты и др.) существовали наряду с церковными и монастырскими. Крупнейшие скриптории XVI в. (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Николо-Корельского, Соловецкого и др. монастырей) наряду с традиционными литургическими книгами производили сборники светского содержания, обеспечивая потребности общества в четьей литературе[7]. Здесь же переписывались памятники канонического права, сочинения отцов церкви, произведения агиографии.

Согласно летописным известиям, а также данным агиографии и поздним известиям внелетописного характера, в конце XI—XII в. центры книгописания существовали в Переславле, Суздале, Чернигове (1093 г.), Владимире-Волынском (1097 г.), Киеве (1116 г.), Полоцке (1143 г.), Смоленске (1180 г.), а также Турове (XII в.). В записях писцов на сохранившихся кодексах XI—XII вв. в качестве места переписки книг указаны лишь новгородские церкви: соборная Лазаревская церковь монастыря св. Лазаря (рубеж XI—XII вв.), церкви св. Апостолов (1164 г.), Иоанна Предтечи (1148—1155 гг.), Вознесения Господня (ок. 1185 г.), св. Николая (вторая половина XII в.), св. Власия (XII в.). Записи на книгах XIII в. сообщают об изготовлении рукописей в скриптории при ростовском Успенском соборе (1219, 1220 гг.), новгородских церквах св. Константина и Елены (1226 г.), Михаила Архангела (1229 г.), св. Иакова (1262 или 1282 г.), св. Дмитрия (1271 г.) и св. Иоанна Предтечи в Перемышле или Холме (1282 г.)[8].

В источниках XIV в. в качестве места переписки кодексов фигурируют духовные корпорации, расположенные как в городах, так и в ближайшем пригороде: новгородский Софийский собор (1356, 1362 (?), 1365, 1369, 1370 гг.), монастыри св. Саввы (1369 г.), Святотроицкий на Видогощи (ок. 1380—1389, 1386 гг.), подмосковный Троице-Сергиев (1380 г.), серпуховской Богородицы Зачатия Высоцкий (1381—1382 гг.), Андроников в Москве

---

[7] *Дмитриева Р. П.* Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 143—170; *Она же.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 202—230.

[8] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000. С. 455—456.

(1390/91 г.), Богородицы Введения в Переславле (1389—1425 гг.), новгородский Богородицы Рождества на Лисичьей Горке (1397 г.), а также церкви: св. Екатерины в Луцке (1384 г.) и Воздвижения честного креста в Москве (1389—1406 гг.). Отмечаются контакты с книгописными центрами Константинополя: в 1383 г. там было переписано Евангелие (ГИМ. Син. № 742), а в 1388 г. — Диоптра инока Филиппа (в монастыре Перивлепт). В XIV в. крупными центрами книгописания наряду с Новгородом, Киевом, Владимиром-Волынским и Ростовом становятся Псков, Москва, Галич, Серпухов, Луцк и Переславль. Особенно интенсивное книгописание наблюдается в Пскове. Сохранившиеся источники позволяют предположить, что книгописные мастерские в Пскове в XIV в. существовали в церквах Воскресения Христова в Домантове стене (1309 или 1310 г.), Николы над Греблей в Домантове стене (1312—1313, ок. 1330 г.), Воздвижения креста на Красном Дворе в Пскове (1382 г.), св. Ильи в Кулейском погосте (первая половина XIV в.), Рождества Богородицы в Снетогорском монастыре (вторая половина XIV в.). В 1386 г. для псковского монастыря Петра и Павла на Середкине в новгородском Софийском соборе был заказан Параклитик[9].

В XV в. география русской рукописной книги существенно расширилась. Крупнейшие центры книгописания по-прежнему оставались в Новгороде и Пскове. С конца XIV — начала XV в. письмо книг сосредоточилось также на северо-востоке Руси (Ростов, Переславль, Ярославль, Тверь, Москва). Продолжалось книгописание и на юго-западе Руси, в том числе на территориях, с середины XIV в. вошедших в состав Великого княжества Литовского. Источники XV в. сообщают об организации масштабных книгописных работ во Владимире-Волынском, Вологде, Галиче Костромском, Коломне. Сохранились рукописные кодексы, происхождение которых связано с Белоозером, Боровском, Витебском, Гродно, Козловом, Кашином, Костромой, Каменец-Подольским, Луцком, Львовом, Малоярославцем, Острогом, Островом, Суздалем, Серпуховом, Угличем, Ужгородом, Устюгом Великим, Чухломой[10]. Книгописание в это время сосредоточилось в крупных монастырях-землевладельцах. Как минимум

[9] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов. С. 455—456.

[10] *Слуховский М. И.* Из истории книжной культуры России. М., 1964; *Он же.* Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968; *Он же.* Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973; *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М., 1980; *Розов Н. Н.* Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. М., 1971; *Он же.* Книга Древней Руси. М., 1977; *Он же.* Книга в России XV в. Л., 1981.

6 рукописных кодексов XV в. были переписаны в Иосифо-Волоколамском, 5 — в Киево-Печерском, 3 — в Михайловском Златоверхом, 3 — в киевском Николо-Пустынном, 17 — в Кирилловом, 2 — в московском Андрониковом, 1 — в Вознесенском, 2 — в Симоновом, 13 — в Троице-Сергиевом, 2 — в Чудовом, по 1 — в новгородских Вяжецком, Деревяницком, Зверином, Лисицком, Михайловском, Мостищском, Отенском, Перынском и Юрьевом, по 2 — в Свято-Хутынском новгородском и псковском Петропавловском Середкине, по 1 — в псковском Никольском Завеличском и Трехсвятском Онуфриевом, 3 — в вологодском Спасо-Каменном монастырях.

Наряду с монастырями центры книгописания в XV в. по-прежнему оставались в церквах (московские Архангельский собор, церковь Николы Старого, новгородские св. Дмитрия, Архангелов Михаила и Гавриила, Федора Стратилата, Софийский собор, псковские церкви св. Георгия и св. Климента)[11]. Однако удельный вес церквей, в которых велись книгописные работы, существенно снизился по сравнению с монастырскими скрипториями.

К концу XIV в. произошли изменения не только в использовании материала для письма (распространение бумаги), но и в организации древнерусского книгописания, связанные с развитием городской культуры (сосредоточение книгописания в монастырях, преобладание среди писцов монашествующего духовенства и т. д.). От XV в. сохранились наиболее ранние рукописные сборники, содержащие рецепты изготовления чернил, красок, перьев, элементов переплета. В XIV—XV вв. не только возросла роль внутренней миграции в распространении книги, но и усилились связи древнерусских скрипториев с христианским „Востоком“ и югославянским миром[12]. Для переводов и последующей переписки книги вывозились на Русь из афонских монастырей, из Болгарии, Сербии и Константинополя. Так, Киево-Печерский патерик Арсеньевской редакции (РНБ. Q. п.I.31) сообщает о наличии к началу XIII в. в Киево-Печерском монастыре греческих книг, привезенных в середине XI в. из

[11] *Розов Н. Н.* Книга в России XV в. Л., 1981.

[12] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси в XIV—XVII вв. СПб., 1903; *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинполя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 171—198; *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI—XIV вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98; *Бибиков М. В.* «И прекладаша отъ грекъ на словеньскыи языкъ». С. 181—186 и др.



Рис. 4. Новгородская грамота на бересте

Византии печерскими иконописцами[13]. Рукописи, переписанные на Руси, вывозились на Афон. В описи имущества афонского Пантелеймонова монастыря 1142 г. упомянуты пять Апостолов, два Патерика, пять Псалтирей, пять Часословов, книги Ефрема, Панкратия и другие русские рукописи. Всего в описи фигурируют 48 экземпляров русских книг[14].

Вопрос о существовании библиотечных собраний в России до XVI—XVII вв. спорен. Н. Н. Розов (1981 г.) полагал, что древнерусские библиотеки появились только в XV в., начав формироваться с конца XIV столетия. Для предшествующего периода истории русской книги Розов настаивал на употреблении понятия «богослужебные книжные наборы»[15]. Оно было предложено М. И. Слуховским (1973 г.) для обозначения литургических книг, необходимых каждой духовной корпорации для отправления церковного культа[16]. Под «библиотекой» Слуховский, а вслед за ним и Розов, понимали не всякое книжное собрание, а лишь «собрание книг, предназначенное для чтения»[17].

[13] *Бибиков М. В.* «И прекладаша отъ грекъ на словеньскыи языкъ». С. 184.

[14] *Бибиков М. В.* Bizantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 178.

[15] *Розов Н. Н.* Книга в России в XV веке. С. 107—108; ср. с точкой зрения Б. В. Сапунова, считавшего, что «книжные собрания Древней Руси (монастырские, церковные и частные) были не беднее, чем библиотеки Западной Европы», но не смогшего привести ни одного реального факта в пользу этого положения (*Сапунов Б. В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 160, см. также С. 110—162).

[16] *Слуховский М. И.* Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973. С. 5.

[17] *Слуховский М. И.* Библиотечное дело в России до XVIII века: Из истории книжного просвещения. С. 45, 46.

И богослужебные книжные наборы, и первые библиотечные собрания Руси связаны с церковью[18]. Частные библиотеки начали формироваться в России, по-видимому, не ранее XVI в. и особенно распространились лишь с конца XVII — начала XVIII в.

Согласно реконструкции древнейшего книжного фонда Руси, предложенной Б. В. Сапуновым (1978), в XI—XIII вв. приходской и домовой церквями использовалось для богослужения не менее восьми книг: Евангелие и Апостол апракос, Триоди постная и цветная, Минея общая, Псалтирь с возследованием, Служебник и Требник[19]. Однако еще Н. В. Волков (1897) допускал, что в древнерусской церкви в XI—XIV вв. могло находиться одно лишь Евангелие апракос[20]. Таким образом, по Волкову, допустимым книжным минимумом приходской церкви мог быть всего один экземпляр Евангелия. Напомним, что Е. Е. Голубинский (1901) считал вероятным для XI—XIII вв. и полное отсутствие какого бы то ни было книжного набора в приходской церкви. Он полагал, что в период становления и утверждения христианства на Руси нельзя исключать вероятность осуществления службы священником наизусть по памяти, без использования книг[21]. Как бы ни определять книжный набор древнерусской церкви, можно думать, что он был скорее минимальным. Будучи принадлежностью церковного культа и обладая определенными обрядовыми функциями, подобные «наборы» в основном имели сугубо прикладное культовое значение[22].

Наряду с богослужебной литературой в «наборы» могли входить сочинения отцов церкви, произведения агиографии, сборники памятников канонического права и др. Однако такие расширенные «наборы», состав которых зачастую был случайным, а составляющие их экземпляры вряд ли хранились вне алтаря в каких-то специальных помещениях, можно считать не более чем ранним прототипом библиотечных собраний Руси.

Уже в XI—XII вв. крупные монастыри и соборы Древней Руси помимо необходимых храмовых богослужебных наборов обладали более

---

[18] *Слуховский М. И.* Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973. С. 5.

[19] *Сапунов Б. В.* Книга в России. С. 77.

[20] *Волков Н. В.* Статистические сведения о сохранившихя древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. СПб., 1897. С. 18.

[21] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1901. Т. 1, ч. 1. С. 474—481.

[22] *Слуховский М. И.* Библиотечное дело. С. 44—47.

обширными собраниями книг. Такие собрания, по-видимому, были в Киевском Софийском соборе и в Киево-Печерском монастыре. Так, в Повести временных лет в известной статье 6545 (1037) г. содержатся сведения не только об организации по инициативе Ярослава Мудрого книгописных работ, но и о том, что этот князь «положи в святеи Софьи церкви, юже созда самъ», книги, изготовленные по его заказу[23]. Весьма отрывочные данные содержат источники о собрании книг Киево-Печерского монастыря. Так же, как ничего неясно о составе книг киевской Софии, нет никаких конкретных данных о книгах, входивших в «библиотеку» этого монастыря. Все сведения об этом скрываются за обобщением «книгы многы» или просто «книгы». Однако даже весьма туманные и отрывочные известия источников позволяют предположить, что в Печерском монастыре имелись книги, не предназначавшиеся для храмового богослужения. Так, «неспанием по вся нощи» из-за любви к чтению отличался ученик Феодосия Печерского иеромонах Дамиан[24].

О том, как пополнялся книжный фонд Киево-Печерского монастыря, источники умалчивают. Наиболее вероятно, что это были традиционные для Древней Руси изготовления вкладных книг по заказу, а также дарения частными лицами прежде сложившихся у них комплексов книг. В «Сказании о начале Печерского монастыря», помещенном в ПВЛ под 6559 (1051) г. отмечается, что Феодосий Печерский переписал у чернеца Михаила, прибывшего в Киев с митрополитом Георгием, греческий Студийский устав, и ввел его в своей обители («...и обретъ оу него, и списа, и оустави въ манастыри своемъ»)[25]. Это дает основание предположить существование в Древней Руси практики переписывания книг для внутреннего пользования грамотной частью монастырского и церковного клира.

В отличие от сведений о церковных вкладах, которыми изобилуют записи писцов и летописные статьи, известия о дарении комплекса книг в источниках как правило отсутствуют. Тем ценнее уникальное известие Киево-Печерского патерика о пожертвовании черниговским кн. Николой Святошей имевшихся у него книг[26]. Однако насколько значительным

---

[23] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 152, 153.

[24] Выписки из подлинного жития преподобного Феодосия // Уч. зап. Второго Отд. АН. СПб., 1856. Кн. 2, вып. 2. С. 190.

[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160.

[26] Киево-Печерський патерик. Київ, 1991. С. 114.